

Семь дней. — 2002. — 4-10 февр. (н.в.). —
с. 38-42

ИЛЗЕ ЛИЕПА: «КОГДА-ТО Я БЫЛА СЫНОМ ГАЛИНЫ ВИШНЕВСКОЙ»

Когда 20 лет назад Илзе Лиэпа окончила хореографическое училище, в Большой театр ее брать не хотели категорически. В тот период у ее отца — Мариса Лиэпы — был конфликт с руководством театра. Условие выдающемуся танцовщику было поставлено жесткое: «Вы уходите, и тогда мы берем вашу дочь». Илзе начала с самой низшей ступени хореографической иерархии — миманса. Никто тогда не мог представить, что со временем эта «неперспективная девочка» не только станет известной балериной, но и превратится в одну из самых изысканных светских дам.

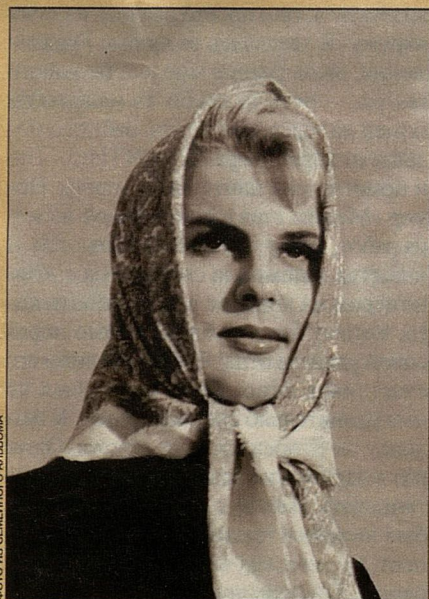

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Мама — Маргарита Ивановна Жигунова-Лиёпа в фильме «Илзе», 1959 г.

— Как вы себя ощущаете в образе «светской львицы»?

— Это только кажется, что я живу блестящей жизнью, я не очень-то люблю куда-то выходить. Моя жизнь — это театр и дом. Семья для меня — на первом месте. В своем муже я нашла настоящую опору. Только этот тыл дает мне возможность чувствовать себя свободной во всем. Со Славой мы ходим только на какие-то обязательные приемы или, напротив, на очень личные, приятные для нас мероприятия. А так с гораздо большим удовольствием мы остаемся с ним дома.

— Вы говорите о Владиславе Паулюсе? Но в вашей жизни это уже второй брак. Почему распался ваш союз с известным скрипачом Сергеем Стадлером, с которым вы прожили семь лет?

— Мы оба были недостаточно готовы к семейной жизни. Многие молодые люди не понимают ни смысла, ни

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Илзе с отцом Марисом Эдуардовичем Лиёпой. 1982 г.

ЕЛЕНА СУХОВА

С братом Андрисом

ВНИМАНИЕ!

С мужем Владиславом Паулюсом

цели брака. В этом причина множества разводов. Надежда только на то, что со временем мы все умнеем и стараемся не повторять прошлых ошибок.

— *Со своим нынешним мужем-бизнесменом вы познакомились во время съемок рекламного ролика минеральной воды, которую выпускала компания, где он работал. Вы сразу увидели в нем единственного необходимого вам человека?*

— Мы узнавали друг друга довольно долго. В тот момент я уже готова была к тому, чтобы остаться одной. А сейчас у меня есть самое ценное в жизни — тишина, мир в душе и покой.

— *А как же «волнения страсти»?*

— Страсти, любовные порывы, восторги и отчаяние я с удовольствием проживаю на сцене. В личной жизни я стараюсь всех этих страстей избегать.

Слава всегда помогает мне восстановить равновесие. Как человек очень тонкий, он чувствует, когда меня нужно к чему-то подтолкнуть, когда — остановить, когда — подставить жилетку, чтобы я могла в нее поплакать. Иногда бывает и такое.

— *А жизнь часто вам подбрасывала поводы для слез или ваша громкая фамилия решала все проблемы?*

— Поводов хватало. Ребенок, несущий «звонкое» имя отца или матери, привлекает особое внимание. Имя — это большая ответственность и нелегкое бремя, рождающее лишние комплексы и проблемы. Отец в детстве говорил нам с братом Андрисом: «То, что простится другим, никогда не простится вам!» В Большом театре я долгое время была никем и лишь со временем по-

пала в солистки. К слову, и Андрис, будучи уже известным артистом, все еще числился в кордебалете. Иногда я совсем падала духом. Тогда сошлось как-то все сразу — и профессиональные, и семейные, и личные проблемы каждого из нас. В тот период после многих лет брака расстались наши родители, отец вынужден был уйти из Большого театра... Это было нелегкое время, но кто сказал, что в жизни все нам должно даваться легко?

— *Неужто и в двадцать лет вы столь же философски воспринимали жизнь? Или вы совсем не честолюбивы?*

— Мною двигало не честолюбие. Ничто не давало надежду на то, что все может волшебным образом измениться, было ощущение полной не востребова-

нности. Оно просто рвалось из меня наружу. Я хваталась за любые предложения, выпадавшие мне вне Большого театра, — будь то какой-то маленький номер на телевидении или работа с молодыми хореографами в ГИТИСе. Это и помогло мне найти свою дорогу. Номер «Медея» стал единственной из моих работ, которую успел увидеть отец. Я навсегда запомнила свой выход с этим номером на конкурс в зале Чайковского, потому что в публике прямо перед собой увидела отца! Я и сейчас вижу его счастливое лицо. Папа всегда был ко мне удивительно снисходителен. К Андрису он относился куда строже. Один раз в жизни мне даже посчастливилось танцевать вместе с отцом. В Ереване был назначен правительственный концерт, а у него, как назло, заболела партнерша. Он позвонил мне: «Собирайся, мы летим в Ереван». Мы танцевали с ним болеро из «Дон Кихота». Это было потрясающе!

— *Ваши первые впечатления от балета, разумеется, связаны тоже с отцом?*

— Да, когда-то меня, совсем еще маленькую, он взял на репетицию «Жизели». Я стояла в кулисах и плакала. Музыка была такая грустная и красивая... Сама же я вышла на сцену Большого театра залогом до начала танцевального балета. «Дебютировала» я в опере.

— ???

— В Большом ставили «Чио-Чио-сан». По сюжету у главной героини есть маленький сын — это и была я, в пять лет. В день спектакля бабушка приводела меня в театр. Примеры завивали волосы в локоны и делали из меня мальчика. Я бежала по сцене к «маме», которой была Галина Вишневская. Спустя много лет я случайно встретила Галину Павловну, давно уже жившую за границей, в аэропорту Хельсинки. Я подошла и, когда она удивленно вскинула брови на незнакомку, сказала: «Простите, но когда-то я была вашим сыном!»

— *Но для Илзе Лиены было предопределено не оперное, а балетное будущее?*

— Мы с Андрисом были околдованы и «отравлены» балетом с малых лет. На вопрос «Кем ты хочешь стать?» маленький Андрис отвечал: «Хочу быть

папой в Большом театре!» Мама всю жизнь нашей семьи построила вокруг работы отца. В день, когда у него был спектакль, нам нужно было тихо сидеть по углам, пока он не уйдет в театр. Не дай нам Бог зашуметь, когда папа спит, не дай нам Бог попасться ему под ноги, когда он проснется, — беды не миновать! Балет вырастал до таких масштабов, что казался чем-то необыкновенным. Прибавьте к этому детские впечатления от отцовских гастролей — от его рассказов о поездках, от шикарных чемоданов, от необыкновенных открыток, которые он присылал отовсюду! На фотографии какого-нибудь роскошного отеля было обведено кружком окошко и написано: «Это мой номер». Он казался нам сказочным принцем. Я была уверена, что отец — человек необыкновенный, непохожий ни на кого.

— *Но вашим воспитанием занималась бабушка?*

— Бабушка и конечно же мама. Сейчас я понимаю, что такое двое детей для актрисы, плотно занятой в театре! Мама двадцать два года проработала в Московском драматическом театре имени Пушкина и сыграла немало серьезных ролей. К тому же мы с Андрисом были далеко не ангелы. Я росла как мальчишка и ни в чем не хотела уступать брату. Хотя мама и старалась держать нас «в черном теле», чего же мы только не творили! В «тяжелых» случаях она снимала тапок с ноги, и нам за все доставалось нещадно. Мама — очень сильный человек. Мы с Андрисом до сих пор как маленькие побаиваемся ее мнения — требуется немало мужества, чтобы его принять, потому что она никому и никогда не делает поблажек. Раньше я

думала, что та необыкновенная атмосфера в доме, которую я сейчас пытаюсь сохранить, была целиком и полностью заслугой отца. Постепенно я стала понимать, что центром нашей семьи была мама.

— *Значит, многие годы ваша мама сознательно держалась в тени своего знаменитого мужа и вашего отца?*

— И на это нужно большое мужество. Красивая и талантливая, она могла бы сделать блестящую карьеру. Сейчас, когда я смотрю старые фильмы с ее участием («Жестокость», «Илзе». — *Ред.*), то восхищаюсь ею, понимая, чем она пожертвовала ради семьи.

— *Родители не отговаривали вас от поступления в хореографическое училище? Они-то знали, чего стоит «балетный хлеб»?*

— Родители без энтузиазма восприняли наше с Андрисом желание зани-

маться балетом, но стремление танцевать в нас было с самого раннего детства. Я часто ставила себе музыку и носилась по комнате, что-то изображая. Годы учебы не были безоблачными ни для нас с Андрисом, ни для наших родителей. Мне повезло только в последних классах, когда я попала к замечательному педагогу Наталье Викторовне Золотовой. Ее ученицы получили настоящее «старорежимное» воспитание. В 17—18 лет нам было еще запрещено краситься, носить украшения, яркие «шерстянки» на ногах и цветные купальники. О курении не могло быть и речи! Параллельные классы вовсе демонстрировали свою «взрослость», мы же выпустились из училища совершенными детьми, и я рада, что у меня было такое «позднее развитие».

— *Балет — это всегда преодоление?*

— ТЕТ-А-ТЕТ —

— Это терпение и мужество прежде всего. То, что приходится выходить на сцену с травмами, — будни. Самое трудное — каждый день без всяких «полетов» и «вдохновений» идти в класс и заниматься. Знаете, есть анекдот о двух писателях, деливших друг с другом секретами «творческой кухни». Один говорил, что не может сесть за письменный стол без вдохновения. Другой же признался, что каждый день садится работать в 8.30 утра. «А как же вдохновение?» — удивился первый. «Да оно об этом знает и подходит к этому времени», — объяснил второй... Все трудно-сти во благо. Так, однажды я рискнула сделать свой первый творческий вечер, с которого все и началось. Мама и Андريس были просто в шоке!

— Они не верили в ваши силы?

— Творческий вечер — всегда результат большой работы в театре. У меня на тот момент не было никакого сольного репертуара! «Подумай, — уговаривал меня Андريس, — не совершаешь ли ты ошибку?» И я — единственный раз в жизни — не послушалась своего брата. И оказалась права: этот вечер стал моим первым большим успехом.

— Так, значит, вы дама рискованная?

— Ой, что вы! Я очень нерешительная! Не доверяю самой себе и тысячу раз себя уговариваю, отваживаясь на что-то новое. Так было, когда я решила выйти на сцену драматического театра в спектакле «Ваша сестра и пленница». После чего пошли другие роли. Сейчас балет и драматический театр существуют в моей жизни параллельно. Не знаю, какая из двух муз подходит мне больше.

— А вы задумываетесь о том, что рано или поздно любой балерине приходится оставить балет? Нельзя же и в семьдесят танцевать Джульетту?

— Как говорят у нас, «танцевать можно — смотреть нельзя!» Сейчас я каждый свой выход на балетную сцену воспринимаю как последний, и каждый выход для меня — подарок. Я очень спокойно и оптимистично отношусь к тому, что занятиям балетом должен когда-то наступить конец.

Елена ЛАНКИНА

